

DOI: <https://doi.org/10.32839/2304-5809/2019-6-70-61>

УДК 7.03:7.001.12

Филиппова О.Н.

Ассоциация искусствоведов (г. Москва)

НАТЮРМОРТ В ТВОРЧЕСТВЕ П.В. КУЗНЕЦОВА (1878-1968)

Аннотация. Павел Варфоломеевич Кузнецов (1878-1968) – это один из интереснейших и самобытных русских художников XX века. Его творчество разворачивалось в сложных условиях времени, насыщенного эстетическими словами и трагическими переживаниями. Лирическая природа дарования сделала его одним из лидеров символистов московской школы, связанной в истории живописи со знаменитой выставкой 1907 года: «Голубая роза» [2; с.1]. Постоянные поиски идеального пространства, наполненного гармониями художественных ритмов, были характерны для мистических фонтанов 1900-х годов, степных сюит 1910-х годов, динамичных пейзажей 1920-1930-х годов, а также для театральных эскизов, декоративных панно и музыкальных натюрмортов, которые станут одним из ведущих жанров творчества П.В. Кузнецова.

Ключевые слова: творчество П.В. Кузнецова, профессиональная рисовальная школа, рисунок и живопись, портрет, техника майолики, сценография, картины и этюды, выставки, лирический пейзаж, ранние символистские произведения, натюрморт, масляная живопись.

Filippova Olga

Association of Art Critics (Moscow)

STILL-LIFE IN THE CREATIVE WORK OF P.V. KUZNETSOV (1878-1968)

Summary. Pavel Kuznetsov (1878-1968) is one of the most interesting and original Russian artists of the XX century. His work unfolded in difficult conditions of time, full of aesthetic fractures and tragic experiences. The lyrical nature of the talent made him one of the leaders of the symbolists of the Moscow school, associated in the history of painting with the famous exhibition of 1907: "Blue rose". The constant search for an ideal space filled with harmonies of artistic rhythms was characteristic of mystical fountains of the 1900-ies, steppe suites of the 1910-ies, dynamic landscapes of the 1920-ies-1930-ies, as well as for theatrical sketches, decorative panels and musical still-lives, which will become one of the leading genres of P.V. Kuznetsov's creativity. It is in the still-lives of each creative period that the development of stylistic features of his painting is easily traced. Such as, in many works of the early period of time (as an example: "Bukhara still-life", 1913) was used compositional technique – a comparison of decorative, solved foreground with constructively solved distant: material credibility of objects still-life group and some vibrating instability, ghostly, as it were, dissolving in the solar haze of architectural structures of the background. The unclosed composition is perceived as part of an infinite space – dynamic, saturated with air and light, life itself, illuminating and spiritualizing the foreground objects, and each of them becomes an integral part of this life, and its symbol. Another feature of P.V. Kuznetsov's still-lives was also determined in this early, "Eastern" period – he takes for his compositions objects in which one way or another reflects the spiritual life of man, their Creator. These are ancient porcelain, paintings, engravings, painted trays, embroidered suzani, tablecloths, tapestries, vases. The beauty of man-made things in P.V. Kuznetsov is almost always shaded and emphasized by the perfection of flowers, fruits – creations of nature. In still-life, more fully than in other genres, he was able to create rhythmic structures, harmony, which determines the internal structure of works. Rhythmic structure, revealing the "harmonic" idea of the idea, subordinated to all the elements of coloristic and linear solutions of paintings.

Keywords: the creative work of P.V. Kuznetsov, professional drawing school, drawing and painting, portrait, the technique of majolica, scenography, paintings and sketches, exhibitions, lyrical landscape, early symbolist works, still-life, oil painting.

Постановка проблемы. Вряд ли найдется в истории русской живописи художник, подобно П.В. Кузнецову, сумевший сохранить в течение столь долгих лет своей жизни неиссякаемую творческую жажду, подлинно юное любопытство ко всему тому, что происходит в искусстве. Начиная с 1900-х годов, когда молодой художник по велению времени преодолел систему московской импрессионистической живописи рубежа столетий, сохранив при этом опыт своих учителей – В.А. Серова (1865-1911) и К.А. Коровина (1861-1939) и став одним из творцов русского живописного символизма, и, заканчивая 1960-ми годами, давшими взлет лирическому пейзажу, он сохранял способность открывать, находить в своем запасе все новые и новые возможности, идти навстречу времени. Это был долгий путь художника, на протяжении, которого, не иссякал его источник.

Анализ последних исследований и публикаций. Изучающий творчество П.В. Кузнецова сразу же сталкивается с трудностями, вытекающими не только из огромного объема наследия художника, но носящими и специфический, «кузнецовский» характер [8, с. 8]. Сам мастер, не желая этого, сделал многое, чтобы затруднить исследование своего искусства. Именно в привнесенной им самим путанице коренится значительная доля ошибок, бытующих в посвященных ему статьях и очерках. Одна из самых сложных задач, которую пришлось решать при работе над творческим наследием П.В. Кузнецова, – это определение времени создания множества его работ, особенно, как это ни парадоксально, ряда известнейших картин Киргизской и Бухарской сюит. Большинство из них, не подписанных, датировалось обычно со слов художника. В других случаях, не датируя рабо-

ту сразу после ее окончания, он впоследствии ставил на ней год совершенно произвольно. «Дата не имеет никакого значения, – ответил он однажды на вопрос советского и российского искусствоведа А.А. Русаковой (1923-2013) по поводу

Илл. 1. П.В. Кузнецов. «Фонтан». 1904 г.
Холст, темпера, пастель, 99,0 × 96,5 см // Государственный музей искусств Республики Казахстан имени А. Кастеева (Алма-Ата)

Илл. 2. П.В. Кузнецов. «Фонтан». Эскиз. 1905 г.
Бумага, акварель, 51,0 X 34,5 см // Собрание В.А. Дудакова и М.К. Кашуро (Москва)

«степных» работ, – я ставлю на картине первую, пришедшую мне в голову» [8, с. 8]. Следствием этого явилось обилие неточных датировок, прочно, закрепившихся за картинами П.В. Кузнецова. А.А. Русакова, автор книги «Павел Кузнецов» (Л., 1977) – также, разумеется, не застрахованной от неточностей и ошибок – руководствовалась в ряде неясных случаев указаниями художника и сценографа, жены художника – Е.М. Бебутовой (1892-1970), полученными от нее старыми фотографиями выставок и отдельных работ П.В. Кузнецова и другими документальными свидетельствами [8, с. 10]. Цель данной публикации, на основе библиографических источников, раскрыть творчество П.В. Кузнецова – мастера натюрморта, проанализировать его работы.

Павел Варфоломеевич Кузнецов родился 5 (17) ноября 1878 года в Саратове, в доме, где рядом с жилыми комнатами располагалась иконописная мастерская его отца. Здесь-то он и учился держать в руках кисть, карандаш, уголь... Развитию природной, очевидно, склонности способствовало и влияние матери – тонкого, одаренного человека, прекрасной вышивальщицы, любительницы музыки. И дед, известный в городе садовод, со своей стороны, оказывал немалое влияние на формирование мировосприятия, вкуса, характера будущего художника, развивая у него интерес к природе, любовно-вдумчивое отношение к прелестным пейзажам Поволжья. Юность П.В. Кузнецова пришлась на время стремительного и бурного расцвета культурной жизни родного города. В конце XIX века гастролировали на саратовской сцене П.А. Стрепетова, М.Г. Савина, М.И. Петипа, появились и свои сильные труппы – оперная и драматическая, возникли Музыкальное общество и училище при нем, открылся Радищевский художественный музей, вскоре, снискавший известность лучшего музея в Поволжье. Потом на базе музея создано общество изящных искусств, где играли спектакли, устраивали литературные чтения, музыкальные вечера. В начале 1890-х годов студия живописи, организованная Саратовским обществом изящных искусств, переросла в профессиональную рисовальную школу, имевшую два отделения – рисунка и живописи. Рисунок преподавал ученик П.П. Чистякова (1832-1919), выпускник Академии художеств В.В. Коновалов (1864-1908), живопись – давно, поселившийся в Саратове итальянец Г.П. Сальвини-Баракки (1852-1915). В то время с 1891 по 1896 гг., когда П.В. Кузнецов посещал Рисовальную школу состоялось и важное для него знакомство с В.Э. Борисовым-Мусатовым (1870-1905), которому суждено было оказать сильное влияние и на развитие таланта, и на все последующее творчество П.В. Кузнецова.

А уже в сентябре 1897 года он блестяще выдержал экзамены в Московское училище живописи, ваяния и зодчества и был зачислен сразу же во второй головной класс. В то время здесь сложилась на редкость благоприятная обстановка для получения профессионального образования: руководителем натурального класса стал В.А. Серов, рука об руку с ним работали И.И. Левитан (1860-1900), К.А. Коровин, П.П. Трубецкой (1866-1938). Будучи студентом,

П.В. Кузнецов знакомится с русским предпринимателем С.И. Мамонтовым (1841-1918) и в его доме, в Абрамцево, встречается с В.Д. Поленовым (1844-1927), А.Я. Головиным (1863-1930), многими одаренными представителями творческой молодежи. Здесь он писал портрет Ф.И. Шаляпина вместе с П.П. Трубецким и А.Т. Матвеевым, работавшими над скульптурными изображениями певца. Здесь он осваивал технику майолики и пробовал силы в сценографии. Дебют в качестве театрального художника состоялся на сцене Большого театра – П.В. Кузнецов оформил тогда вагнеровскую «Валькирию» [7, с. 17]. Тогда же на IV выставке «Мира искусства» в Петербурге и на XXI периодической выставке Московского объединения любителей художеств выставлялись его станковые работы, отмеченные В.А. Серовым и М.В. Нестеровым [7, с. 17]. В 1902 году, по примеру своих учителей В.А. Серова и К.А. Коровина, он отправляется на Север: через Архангельск – в русские становища на пограничной реке Паз, а затем – вокруг Скандинавии. Картины и этюды, привезенные из этого путешествия, были показаны в мае-июне 1904 года на московской выставке «Алая роза» [7, с. 18]. В них художник отдавал дань уважения традиционному русскому лирическому пейзажу, по сути, уже, прощаясь с ним – в начале собственного, исключительно «кузнецовского» пути [7, с. 18]. Когда П.В. Кузнецов вернулся в Саратов, то он еще ближе подружился с В.Э. Борисовым-Мусатовым, поскольку разделял стремление своего знаменитого старшего друга к созданию новой декоративно-живописной системы.

Важнейшая роль в ней отводилась обобщенному синтетическому образу, гармоничному и совершенному, словно бы, очищенному от всего мелкого, случайного, приземленного. Возможно, и В.Э. Борисов-Мусатов, угадав, в свою очередь, истинного мечтателя, видел в П.В. Кузнецове потенциального наследника, способного не только понять и принять эти замыслы, но и развить их в собственном творчестве. Под влиянием В.Э. Борисова-Мусатова были созданы ранние символистские произведения П.В. Кузнецова, т.н. «Фонтаны» и «Рождения», где в несколько отвлеченной, иносказательной форме представлено субъективное понимание таких категорий, как душа человека, любовь, тоска, нежность [7, с. 20] (илл. 1, 2, 3).

Показанные на выставке: «Голубая роза», эти работы вызвали определенный интерес и противоречивые суждения [7, с. 21]. Наиболее проницательным критикам справедливо, наверное, показалось, что для П.В. Кузнецова, как почти для всех «голуборозовцев», изысканный нигилизм, не более, чем своеобразная форма поведения, рассчитанная на желание протеста против устоявшихся представлений, вкусов и норм [7, с. 21].

Однако, «Голубая роза» стала центром символистского движения, и П.В. Кузнецов оставался ее лидером [7, с. 21]. В каждой из композиций картин «Мираж в степи» (1912), «Дождь в степи» (1912), «Вечер в степи» (1912), «В кошаре» (1910) П.В. Кузнецов изображает какой-то эпизод, подмеченный в реальной жизни, или вполне будничное действие из повседневного быта, все это –

Илл. 3. П.В. Кузнецов. «Рождение». 1906 г.
Холст, пастель, 73,0 × 66,0 см // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

меньше всего картины из быта конкретных людей, конкретных семей или конкретных степных селений [7, с. 21] (илл. 4, 5, 6, 7).

Здесь бытие. Степных кочевников, вообще людей... Ведь время не властно над тем, что вечно. Потому, так необъятна степь и бездонно небо. Спокойны и величавы люди, плавны и неспешны их движения, просты и естественны их позы, воссоздающие, характерную пластику Востока, отшлифованную веками. На многие годы жизнь кочевников, степь стали любимыми темами П.В. Кузнецова, открывшего в мираж-

Илл. 4. П.В. Кузнецов. «Мираж в степи». 1912 г.
Холст, темпера, 95,0 × 103,0 см // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

Илл. 5. П.В. Кузнецов. «Дождь в степи». 1912 г.
Картон, темпера, 52,0 × 70,5 см // Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

ной и ярко-красочной экзотике Востока сказочно гармоничный мир, вроде бы, избавленный от зла, пошлости, мелочности, тщеславия и прочих суетных пороков.

Соприкосновение с ним дарует радость, спокойствие, душевную ясность, вдохновение. Отсюда, поэтичная созерцательность и восторженная мечтательность работ из «Киргизской сюиты» [7, с. 21]. Отсюда, изысканность и красота цветовых сочетаний чистых, прозрачных, пронизанных светом голубых, зеленовато-золотистых тонов, струящихся, мерцающих, словно бы звучащих нежной мелодичной музыкой. Характерное для «Киргизской сюиты» стремление к обобщению претворяется пока, что несколько нарочитым приемом: позы не отличаются разнообразием, лица – похожи. И сам тип кузнецовского персонажа нарочито легко узнаваем, поскольку это именно тип, а не конкретный

Илл. 6. П.В. Кузнецов. «Вечер в степи». 1912 г.
Холст, темпера, 98,0 × 105,0 см // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

человек, своего рода – канон – образ, досконально, проработанный, отвечающий возвышенным чувствам, неким идеальным представлениям. В картинах, из которых сложилась сюита, можно проследить, как сливались воедино отголоски символистских симпатий П.В. Кузнецова, уважение к национальной традиции, интерес к искусству примитива, поиски собственного выражения монументальности и декоративизма. Но, еще более заметна некоторая отстраненность восприятия, окружающего, как будто бы художник восхищенно, зачарованно принял на веру приметы внешней гармонии незнакомого мира и любителю им издали, не вмешиваясь, не участвуя в том, что происходит в этом мире... В написанных в Ташкенте, Самарканде, Бухаре циклах, П.В. Кузнецов всегда оставался верен методу, разработанному в Киргизии. Много общего и в образном строе, и в арсенале выразительных средств («Верблюды», 1912-1913 гг.; «Спящая в кошаре», 1913-1914 гг.; «Дерево пустыни», 1912-1913 гг.) [7, с. 30] (илл. 8).

Однако, наряду с умиротворенностью и спокойной гармонией, в композициях возникают и другие ноты – тревожные, напряженные. И, это понятно, прежде всего, потому, что изменилась натура – малонаселенную степь сменило шумное многолюдье восточных городов, где преобладали иные ритмы. Все чаще П.В. Кузнецов в своем творчестве обращается к натюрморту, который станет впоследствии одним из ведущих его жанров. Именно в натюрмортах каждого творческого периода легко прослеживается развитие стилистических особенностей его живописи. В 1912 году появляется «Натюрморт с японской гравюрой» [4, с. 29] (илл. 9).

Здесь прямо по центру поставлена гравюра Утамаро, ее фланкируют справа растение в горш-

Илл. 7. П.В. Кузнецов. «В кошаре». 1910 г.
Холст, масло, 45,0 X 54,0 см // Собрание А.Ф. Чудновского (Санкт-Петербург)

Илл. 8. П.В. Кузнецов. «Дерево пустыни». 1912-1913 гг. // Собрание И.В. Михайловской (Москва)

ке и слева – ваза, персик и еще какой-то сосуд на шкатулке. Благодаря своему положению в композиции и предметам, обрамляющим ее, она смотрится, как главное в натюрморте, причем линии, изображенной на ней женщины, ее прическа перекликаются со стеблями и листьями растения, тем самым подчеркивается то живое, что всегда есть в подлинном произведении искусства, а классичность композиции и благородство колорита воспринимаются, как дань уважения к далекому собрату-художнику. По-видимому, для самого П.В. Кузнецова и Япония была чем-то близка к той восточной культуре, которую он постигал и во время поездок в степи, и во время путешествия по Средней Азии. Недаром, шкатулка и предметы на ней, введенные в данную работу, явно среднеазиатского характера. Не случайно и то, что «Натюрморт с японской гравюрой» был показан вместе с киргизскими и бухарскими работами на выставке «Мира искусства» 1912 года [4, с. 30]. Важно отметить, что именно в этот период зрелости П.В. Кузнецов написал много натюрмортов. В то время натюрморт переживает свой расцвет и в творчестве художников «Бубнового валета» [4, с. 30].

Предметы, изображенные в натюрмортах П.В. Кузнецова – это часть одухотворенного, гармоничного мира, в отличие от бубновалетцев, с их желанием показать силу и мощь тела, вскрыв, заложенную в нем внутреннюю динамику жизни. В натюрмортах П.В. Кузнецова декоративность лишена подчеркнутой буйности, что очень хорошо видно и в «Бухарском натюрморте» (1913), и особенно в работе «Цветы и дыни» (1913) [4, с. 30] (илл. 10, 11).

Здесь, в отличие от «Натюрморта с японской гравюрой», мазок дрожит, трепещет, переда-

Илл. 9. П.В. Кузнецов. «Натюрморт с японской гравюрой». 1912 г. Холст, темпера, 63,0 × 71,0 см // Частный музей «Арбат Престиж» (Москва)

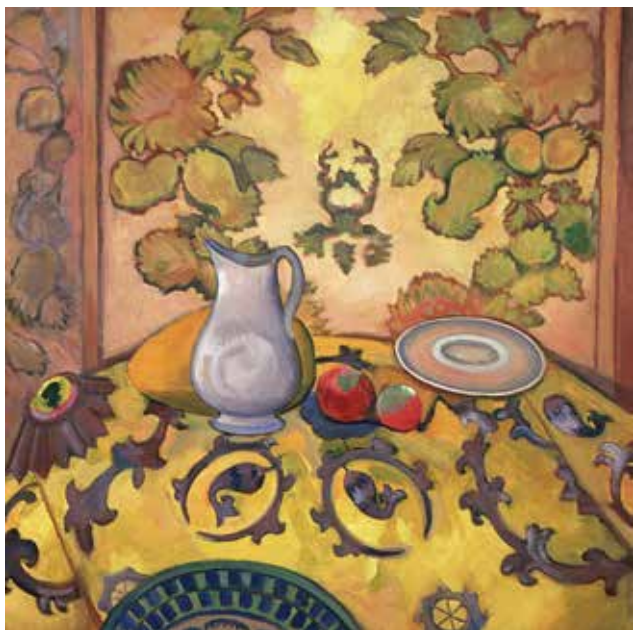
Илл. 10. П.В. Кузнецов. «Бухарский натюрморт». 1913 г. Холст, темпера, 73,0 X 74,0 см // Саратовский государственный художественный музей имени А.Н. Радищева (Саратов)

вая, как бы некоторое излучение, идущее от золотой дыни, синей вазы, оранжевых, голубых и розовых цветов в ней [4, с. 30]. Благодаря этому создаются богатейшие переливы красок, которые сосредоточены в многоугольнике за букетом. Возникает какой-то чудесный романтический мир, одновременно, лишенный туманной символики раннего «голуборозовского» П.В. Кузнецова [4, с. 31]. Но, тут видно, как этот период не прошел для мастера даром. Благодаря ему, П.В. Кузнецов остался поэтом, найдя более ясный, лаконичный, пластический язык. Его показывает художник и в «Натюрморте с сюзане» (1913) [4, с. 31] (илл. 12).

Илл. 11. П.В. Кузнецов. «Цветы и дыни». 1913 г.
Картон, темпера, 64,0 × 77,0 см // Собрание
А.Ф. Чудновского (Санкт-Петербург)

На первый взгляд, он вызывает ассоциацию с «Голубой скатертью» (1907) Анри Матисса [4, с. 31]. Но, если у Анри Матисса каждое цветовое пятно трактуется очень определенно и вписывается в плоскость, то у П.В. Кузнецова каждый предмет – это кувшин, дыня за ним, фрукты, тарелка – исполнены вибрации оттенков, как и растительный орнамент на сюзане и на поверхности фона. П.В. Кузнецов дает даже намек на пространство, намечая два плана: круглящийся стол, покрытый сюзане, и орнаментализованную стену или ширму. Но, это пространство опять-таки не иллюзорно, оно не мешает ритмике, изгибающихся линий орнамента, а ощущение воздуха, возникающее и от бархатистости фактуры, и от многообразия оттенков, придает этому натюрморту более

Илл. 12. П.В. Кузнецов. «Натюрморт с сюзане». 1913 г. Холст, масло, 86,0 × 87,0 см // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

романтизированный характер, в отличие от характера классицизма «Голубой скатерти» Анри Матисса [4, с. 31]. Путешествия на Восток были прерваны Первой мировой войной. П.В. Кузнецова мобилизовали в 1915 году, но он служил в Москве, сначала в протезной мастерской, а затем в военной канцелярии. В свободное время он продолжал писать, вспоминая впечатления от степей и Средней Азии. Так, рождается еще одно цельное и в композиционном, и в цветовом решении произведение «Вечер в степи» (1915-1916) [4, с. 31] (илл. 13).

Две женщины – одна в зеленоватой, другая в золотисто-желтой одежде изображены в центре композиции, около них ягнята, ощущение глубокой задумчивости достигнуто синевой неба, поддержано синими тенями на земле. Опять-таки круглятся, повторяя одна другую, контуры фигур, но линии текут замедленно и рождают настроение грусти.

Помимо восточных сюжетов, П.В. Кузнецов в это время пишет и ряд натюрмортов. Причем, в этих натюрмортах художник использует только масляную живопись. Однако, в «Натюрморте. Утре» (1916) краска кладется легко, она прозрачна при изображении домов за окном, которые так же декоративно кубизированы, как и в «Птичьим базаре» (1913) [4, с. 31] (илл. 14, 15).

Этот голубой прозрачный цвет ложится и на хрустальную вазу, и лишь фрукты, на переднем плане, изображенные определенно, рассеивают ощущение миража, не разрушая, вместе с тем, общего романтического настроения. А «Натюрморт с подносом» (1916) отмечен четкой конструктивностью [4, с. 31] (илл. 16).

Формы здесь особенно кубизированы. Но острота линий, очерчивающих флакон из стекла, фарфоровые кофейник и чашку, снова не подчеркивают «вещности» (выражение П.П. Кончаловского), а говорят о хрупкости

Илл. 13. П.В. Кузнецов. «Вечер в степи». 1915-1916 гг. Холст, темпера, пастель, 76,0 × 80,0 см // Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

Илл. 14. П.В. Кузнецов. «Натюрморт. Утро». 1916 г. Холст, масло, 106,0 × 97,5 см // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

Илл. 15. П.В. Кузнецов. «Птичий базар». 1913 г. Холст, масло, 72,0 × 92,0 см // Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

этих предметов [4, с. 31]. Таким образом, в двух последних натюрмортах П.В. Кузнецова чисто пластически, связанных и с «Бухарским натюрмортом», и с «Цветами и дынями», и с «Натюрмортом в сюзане» есть та же ясность, внутренняя классичность, далекая от вторичности, возникшего, тогда же неоакадемизма, благородная простота [4, с. 32].

Незадолго до революции 1917 года, П.В. Кузнецов был призван в армию и направлен в Московскую школу прапорщиков. Откуда был отозван Советом солдатских депутатов, чтобы возглавить художественно-просветительскую комиссию. Одновременно из армии были отозваны и другие художники – Г.Б. Якулов, П.П. Кончаловский, И.И. Машков, А.А. Осмер-

Илл. 16. П.В. Кузнецов. «Натюрморт с подносом». 1916 г. Холст, масло, 106,0 × 97,5 см // Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

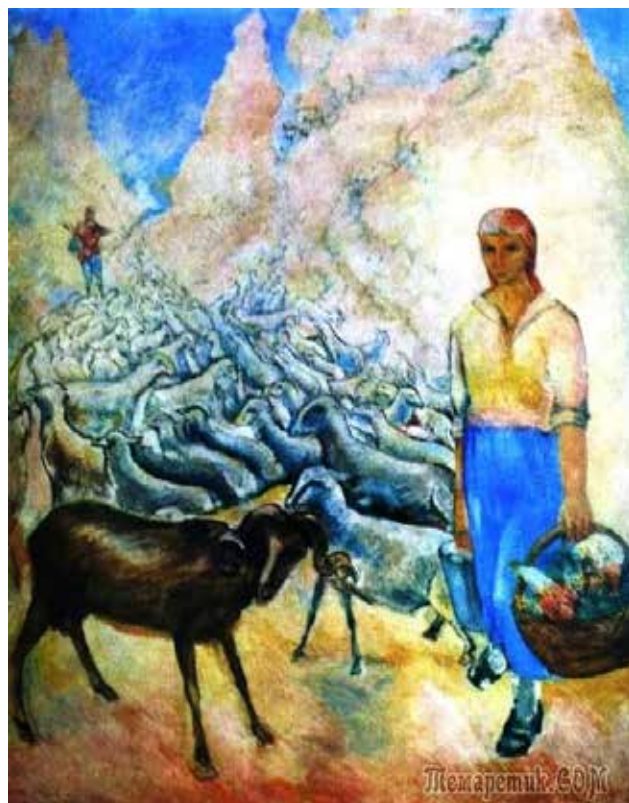

Илл. 17. П.В. Кузнецов. «Мост через Сену». 1923 г. Картон, масло, 43,5 × 48,5 см // Собрание О.М. Дурьиной (Москва)

кин, К.С. Малевич. Первые послереволюционные годы были полны разнообразной напряженной работой: П.В. Кузнецов участвовал в оформлении народных праздников, стал инициатором создания Отдела изящных искусств Комиссии по охране памятников искусства и старины московского Совета рабочих и красноармейских депутатов. Он также работал вместе с В.Е. Татлиным и В.А. Весниным в Коллегии по делам изобразительных искусств, преподавал в Строгановском училище, был избран профес-

Илл. 18. П.В. Кузнецов. «Парижские комедианты (Национальный праздник в честь революции)». 1925 г. Холст, масло, 116,0 × 98,0 см // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

Илл. 19. П.В. Кузнецов. «Крымский колхоз». 1928 г. Холст, масло, 176,0 × 145,0 см // Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

Илл. 20. П.В. Кузнецов. «Сбор винограда». 1928 г. Холст, масло, 178,0 × 142,5 см // Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

сором Училища живописи, ваяния и зодчества. В 1923 году Народный комиссариат просвещения командировал П.В. Кузнецова в Париж – для организации выставки своих произведений. Выставка открылась 3 ноября 1923 года в галерее Барбазанж и все время своей работы пользовалась большим успехом. Экспонировались сорок живописных произведений П.В. Кузнецова и работы его жены, художницы Е.М. Бебутовой. Впечатления от поездки во Францию, продолжавшейся несколько месяцев, отразились в вещах, написанных в Париже и после возвращения на родину. Среди них – это широко известные картины: «Мост через Сену» (1923), «Парижские комедианты (Национальный праздник в честь революции)» (1925) [7, с. 39] (илл. 17, 18).

В течение нескольких лет (с 1925 по 1929) он работает в Крыму и на Кавказе, в колхозах и на плантациях, стремясь лучше узнать, разглядеть своего нового героя. Помимо известных серий «Крымский колхоз» (1928), «Сбор винограда» (1928), «Табачницы» (1925-1926), на юге им был написан целый ряд пейзажей, натюрмортов и портретов [7, с. 39] (илл. 19, 20, 21). В 1929 году в Москве была организована персональная выставка П.В. Кузнецова, ознаменовавшая его пятидесятилетие. Тогда же ему было присвоено звание «Заслуженного деятеля искусств РСФСР» [7, с. 42].

В апреле-мае 1931 года в московском Музее изящных искусств состоялась выставка работ П.В. Кузнецова, написанных во время поездки в Армению. В середине 1930-х годов П.В. Кузнецов и Е.М. Бебутова приобрели небольшой домик

в селе Кратово, неподалеку от Москвы. П.В. Кузнецов увлекся огородничеством, выращенные овощи, ягоды, фрукты заполняли постепенно и его полотна.

Натюрморт и пейзаж – это основные жанры последних лет, своеобразный тыл мастера, негромкий протест против серости и конъюнктуры официального искусства. С кистью и мольбертом П.В. Кузнецов не расставался до последнего своего дня. Скончался он 21 февраля 1968 года в возрасте девяноста лет.

Таким образом, действительно, П.В. Кузнецов – это художник исключительно колористического дара, безошибочного вкуса и поразительного мастерства. Но, история отечественного искусства знает и других замечательных живописцев, к которым применимы эти слова. Так, в чем же своеобразие и обаяние дарования именно П.В. Кузнецова? Думается, что на этот вопрос лучше всего отвечают слова много лет, дружившего с П.В. Кузнецовым крупнейшего советского искусствоведа М.В. Алпатова (1902-1986): «Удивление – вот из чего, по убеждению древних греков, родилось искусство. Удивление, восхищение, восторг – вот, что на протяжении шестидесяти лет творчества не остывало в груди художника, вот, что раскрывает перед его холстами наши сердца» [4, с. 4]. Не дожив, несколько месяцев до своего девяностолетия, П.В. Кузнецов практически до последней минуты не расставался с кистью, продолжая с мудрой наивностью ребенка открывать себе и зрителю ту одухотворенную красоту, которую он находил и в мире, и в людях, населяющих этот мир.

Илл. 21. П.В. Кузнецов. «Табачницы». 1925-1926 гг. Холст, масло, 97,0 × 107,0 см // Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

Список литературы:

1. Алпатов М.В. Павел Варфоломеевич Кузнецов. Альбом. Второе издание. Москва : Изобразительное искусство, 1969. 122 с.
2. Давыдова О.С. Павел Кузнецов. 1878-1968. Москва : Родник, 2010. 96 с. (Малая серия искусств).
3. Заслуженный деятель искусств РСФСР Павел Кузнецов. 1878-1968. К столетию со дня рождения. Каталог выставки / Авт. вступит. ст.: Д.В. Сарабьянов. Москва : Советский художник, 1978. 10 с.: ил.
4. Киселев М.Ф. Павел Кузнецов. Москва : Белый город, 2002. 48 с.
5. Коонен А.Г. Страницы жизни / Послесл. Ю.С. Рыбакова. Москва : Искусство, 1975. 455 с.: ил.
6. Мочалов Л.В. Павел Кузнецов. 1878-1968. Ленинград : Художник РСФСР, 1979. 48 с.: ил.
7. Павел Кузнецов (Мир, исполненный гармонии и ясности). Рекламный проспект / Авт.-сост.: Г. Невзорова / Государственный Русский музей. Ленинград : Типография им. Володарского, 1990. 47 с.
8. Русакова А.А. Павел Кузнецов. Ленинград : Искусство, 1977. 284 с.
9. Сорокин И.В. Краски настроения. Памятники Отечества. 1998. № 39. С. 144–146.

References:

1. Alpatov M.V. Pavel Varfolomeevich Kuznetsov. Al'bom. Vtoroe izdanie. Moskva : Izobrazitel'noe iskusstvo, 1969. 122 s.
2. Davydova O.S. Pavel Kuznetsov. 1878-1968. Moskva : Rodnik, 2010. 96 s. (Malaja serija iskusstv).
3. Zasluzhennyj dejatel' iskusstv RSFSR Pavel Kuznetsov. 1878-1968. K stoletiju so dnja rozhdenija. Katalog vystavki / Avt. vstupit. st.: D.V. Sarab'janov. Moskva : Sovetskij hudozhnik, 1978. 10 s.: il.
4. Kiselev M.F. Pavel Kuznetsov. Moskva : Belyj gorod, 2002. 48 s.
5. Koonen A.G. Stranitsy zhizni / Poslesl. Ju.S. Rybakova. Moskva : Iskusstvo, 1975. 455 s.: il.
6. Mochalov L.V. Pavel Kuznetsov. 1878-1968. Leningrad : Hudozhnik RSFSR, 1979. 48 s.: il.
7. Pavel Kuznetsov (Mir, ispolnennyj garmonii i jasnosti). Reklamnyj prospekt / Avt.-sost.: G. Nevzorova / Gosudarstvennyj Russkij muzej. Leningrad : Tipografija im. Volodarskogo, 1990. 47 s.
8. Rusakova A.A. Pavel Kuznetsov. Leningrad : Iskusstvo, 1977. 284 s.
9. Sorokin I.V. Kraski nastroenija. Pamjatniki Otechestva. 1998. № 39. S. 144–146.